

Первым ощущением был грохот. Громоподобный рев, который бил в череп так, словно над ухом у него гремели сотни отбойных молотков, вгрызающихся в неподатливый камень. Постепенно этот звук становился все тише и тише, словно источник его удалялся куда-то, оставив измученного человека в покое. Вскоре Роман слышал только мощный отдаленный гул, превратившийся затем в мерное и успокоительное рокотание; казалось, что громовую симфонию отбойных молотков сменила негромкая соната гудящего пчелиного улья.

Он лежал неподвижно, не ощущая ни рук, ни ног, ни твердости почвы под лопатками. Или под грудью? Он еще не сознавал своего положения в пространстве, не чувствовал запах, не видел свет - только какое-то белесое марево плавало перед глазами. Он не сумел, определить, в каком положении находится тело - распростерт он на спине, скорчился ли на боку или брошен ничком словно насекомое, которое гигантская рука небрежно стряхнула на пол. Вкуса он тоже не ощущал; все, что новый мир мог заявить о себе, улавливал лишь слух. Но первые слова, первые фразы этой неведомой реальности были на редкость однообразны: ааа-ооо-жжж-шшш; и так до бесконечности.

Наделенный лишь слухом, Роман, однако, не потерял способности к размышлению. Правда, мысли, метавшиеся у него в голове, оставались такими же однообразными, как воспринимаемые им звуки. Он осознавал лишь одно: никогда раньше ему не было так плохо.

Летели минуты - или часы; тянулись недели - или года; неспешной чередой проходили века - или столетия. Мерный рокот превратился в нежное мурлыканье, в убаюкивающую музыку ветра и волн. Онемение прошло, Гилев почувствовал ласку теплых солнечных лучей на спине, увидел мягкий розовый свет под сомкнутыми веками, ощутил нечто твердое, шероховатое под боком и бедром. Силы начали возвращаться к нему, сердце все сильнее разгоняло кровь, пока ее горячие потоки, струи и ручейки не возвратили странника в мир живых. Наконец он открыл глаза и поздравил себя с прибытием.

Перед ним синей стеной стояло море. Смеркалось. Солнце грело плечи и спину, и это значило, что лицо его обращено на восток. Темно-голубая поверхность воды, испещренная белыми барашками, тянулась до самого горизонта, сливаясь там с небом, почти такого же глубокого сапфирового оттенка, как морская гладь. Откуда-то снизу доносился тихий гул, и Роман, приподнявшись на локте и склонив голову, увидел волны, плещущие у подножия утеса, в ста метрах под ним.

Он лежал у самого обрыва: до пропасти оставалось не больше метра. Внезапно сообразив это, Роман похолодел. Что случилось, если б он вынырнул в этой реальности на пару шагов дальше к востоку? Если бы он возник прямо в воздухе, над скалами или морем? Могло ли такое случиться вообще? Он не знал; и никто, даже сам Максимов, не сумел бы ответить на эти вопросы. Опыт путешествий в чужие миры был ничтожен, и только время покажет, являлась ли его третья успешная посадка на твердь землю счастливой случайностью или событием вполне закономерным.

Откатившись подальше от обрыва, Гилев со стоном попробовал приподняться. Это удалось не сразу, с пятой или шестой попытки, но наконец, он утвердился на ногах и повернул голову. Взгляд его, покинув морские дали, теперь скользил по земле. По прекрасной земле, озаренной лучами закатного солнца!

Он стоял на высоком и довольно обрывистом прибрежном утесе, торчавшем над, более низкими и плоскими скалами, словно остроконечный клык среди истертых зубов. Эта скалистая гряда уходила к югу, окаймляя небольшую бухту; к северу раскинулся залив, а над

ним - город, который мог привидеться только во сне. Белые каменные строения, напоминавшие издали дворцы с башенками, окруженные колоннадами храмы, утопающие в зелени виллы, амфитеатры, раскрытые небесам, словно мраморные раковины, подымались от берега вверх ярус за ярусом; их соединяли широкие прямые лестницы, а выше, на самом гребне прибрежного хребта, парили воздушные минареты и шпили цитадели. Под вечерними лучами светила башни, колонны и стены домов казались розовыми, кроны деревьев - темно-зелеными, а сказочный дворец, возносившийся над всем этим великолепием, - голубовато-синим, как море в ясный полдень. Справа от него тянулась к небесам скалистая горная вершина, похожая на правильный конус вулкана; на ее склоне, на тысячу футов выше голубой крепости, был высечен в камне исполинский лик. Неведомый бог неведомого мира, полузакрыв глаза, с улыбкой на устах дремал под рокот волн и шорохи морского бриза, охраняя свой город. Роману лицо божества показалось скорее добродушным, чем жестоким.

Со своего утеса он мог бросить взгляд и на внутреннюю часть страны. На севере, там, где город шагал гигантскими ступенями вверх по горному склону, горизонт закрывали зубчатые пики; к югу, однако, местность понижалась, образуя ряд невысоких плоскогорий, расчлененных речными долинами. Роман видел усадьбы в зелени садов, беломраморные виллы - почти такие же, как в городе, и нечто напоминавшее сельские поселки, раскинувшиеся среди рощ, полей и пастбищ; над ними торчали крылья ветряных мельниц, купола храмов, тонкие высокие трубы кузниц и гончарных печей. Под светом заходящего солнца этот ландшафт был сказочно прекрасен - страна мира и спокойствия, уплывающая в ночь среди журчания ручьев, тихой музыки легкого ветерка и свежих летних ароматов. Надежда страждущего, пристанище путника, земля Святого Грааля!

И Роман, как странствующий рыцарь, долгие года искавший этот священный приют, возрадовался и воспрянул духом. Он решил подыскать какое-нибудь тихое пристанище на эту ночь; все еще чувствуя сильную слабость, но надеялся, что отдых и пища быстро восстановят его силы. Похоже, что компьютер пропихнул его в этот чудесный мир сквозь такую узкую щель, что плоть его в момент переноса была раскатана в узкий бумажный рулон. Что бы слепить из нее человека - такого, каким он был раньше, - требовалось время. Хотя бы одна ночь, шесть-семь часов спокойного сна! А потом - чашка кофе и свежие булочки... или что тут дают на завтрак... В счастливой Утопии наверняка любят вкусно поесть...

Размышляя на эту тему, Роман начал осторожно спускаться с утеса. Солнце, совершенно похожее на земное, уже садилось за горную цепь, окружавшую плато с запада, и он собирался воспользоваться последним вечерним светом. Склон был довольно крут, преодолевать его в темноте разведчику не хотелось, и его не соблазняла перспектива провести ночь на голом камне. Внизу призывно зеленели рощи и лужайки с изумрудной травой; воздух был теплым и нес приятные ароматы, ветерок едва шевелил волосы на голове. Судя по всему, страна, в которую он попал, лежала в субтропиках, в зоне мягкого морского климата - лучшее, о чем мог мечтать в эту ночь нагой человек. Если и обитатели этого райского уголка окажутся столь же гостеприимными, сколь прекрасна их земля, можно считать, что ему крупно повезло.

В Альбе он сразу попал в облаву, в Кате очутился меж двух сражающихся армий. Воспоминания о первом путешествии были смутными, отрывистыми, но главное он помнил. Тани, его маленькая принцесса... Чьи губы целуют ее сейчас, чьи руки обнимают?.. Он не испытывал ревности, только тихую грусть. Он был благодарен ей - точно так же, как и Лали, юной императрице Ката, хрупкой, как нефритовая статуэтка. Да, он испытывал лишь благодарность, ибо их любовь скрасила пребывание в тех жестоких мирах, где ему выпало скитаться первые два раза.

Возможно, его третье странствие окажется более успешным? Без крови, предательства,

хитроумных интриг, тяжких походов, бегства и плена? Раскинувшаяся внизу земля, к которой он приближался с каждым шагом, выглядела такой прекрасной... Такой мирной и тихой... Словно райский сад до грехопадения, Эдем, населенный племенем мудрецов, людьми с чистой душой, не ведавшей разбоя, смертоубийства и насилия...

Роман шумно вздохнул. Если так, то он спускается к ним подобно дьяволу, нисходящему с утеса Греха на равнины Кротости и Милосердия. Ведь совесть его отягощена многочисленными убийствами - пусть даже совершенными во имя долга! - и он несет в божественный и благолепный Эдем меч гнева и адский огонь гордыни. Да, сейчас он безоружен, но тот жаждущий крови клинок, как и разрушительное пламя войны, таятся в его душе; он - солдат, боец, орудие смерти...

Остановившись на середине склона, разведчик поднял к темнеющим небесам сжатый кулак и поклялся, что первым не подымет руки ни на одно разумное существо этого мира. Потом по губам его скользнула саркастическая усмешка. Разве он когда либо, начинал драку первым? Конечно, если давали приказ... или ради дела... но с целью причинить боль, потешить самолюбие - никогда! Он погрузился в воспоминания, перебирая факты, подтверждающие этот вывод, и с радостью убеждаясь, что память его осталась ясной. Раньше было совсем не так... да, совсем не так, особенно в первый раз, когда он едва не потерял собственную личность и не превратился в свирепого Альба... Оранжевый солнечный луч скользнул по его лицу, словно напоминая, что день истекает, и Роман, очнувшись, поспешил вниз. До полного заката оставалось минут двадцать, не больше.

Он успел спуститься с утеса, быстро пересечь травянистый откос и войти в рощу. Деревья, которые росли здесь, были похожими на лавры те же узкие темно-зеленые листья с лаковым блеском, темноватые стволы, причудливо переплетенные ветви и пряный густой аромат. К тому времени, когда он прошел с полмили и достиг опушки, опустилась полная темнота. За рощей тянулось пастбище: высокие, по пояс, травы, дурманящий запах свежей зелени, тихое шуршание стеблей, неширокая тропинка, петляющая по лугу... Роман всей грудью вздохнул теплый ночной воздух, поднял голову и убедился, что вид звездного неба здесь тоже великолепен. Затем он примял траву, слева от тропы и лег, надеясь, что сны в этом прекрасном мире тоже будут прекрасными.

* * *

Он поднимался вверх по террасам беломраморного города, переходил с одной на другую по широким лестницам и спиральным пандусам, по краям которых высились строгие дорические колонны. Каждое здание было дворцом; на площадях звенели и плескались фонтаны, величественные статуи богов и соблазнительных - богинь - украшали храмы, вдоль фасадов которых пролегли пестрые ленты цветочных бордюров. Ярко-синее небо с золотым солнцем взметнулось в недосыгаемую высь, морские волны тихо рокотали у гранитных пирсов, покачивая корабли с резными носами, откуда-то доносился мелодичный перезвон арф, и все прохожие, сплошь белокурые красавицы и черноволосые красавцы, приветливо улыбались страннику. То был рай, истинный рай!

Роман миновал арку, что вела на небольшую уютную площадь с фонтаном в виде дельфина, вырезанного из сияющего аметиста; круглый бассейн с прозрачной водой окружало кольцо темно-зеленых лавров. Меж деревьями высилось кресло - причудливо изогнутая спинка, подлокотники и мягкое сиденье обтянуты голубым бархатом, ножки - четыре львиные лапы, утопающие в траве. Он знал, что это кресло приготовлено для него, для странника, уставшего в пути и мечтающего вкусить покой. То было место тихого отдыха, мудрых размышлений и медитации, позволяющей ощутить единство с природой, слиться с ней в торжественной и

величавой тишине беспредельного мира.

Он сел, откинулся на спинку кресла, вытянул уставшие ноги. Сквозь полуприщуренные веки он любовался блеском и мерцанием водяных струй, что били из пасти и ноздрей аметистового дельфина, тремя изящными арками падая в мраморный бассейн, рассыпаясь сверкающими брызгами. Чистый воздух, насыщенный влагой, вливался в легкие, перезвон капли ласкал слух. Тишина, прохлада, мир... Благолепие...

Ветвь ближайшего лавра опустилась, кольнув обнаженное плечо Романа, но он не обратил на это внимания, зачарованный игрой струящейся воды. Ветвь уколола его сильнее, настойчивей, словно дерево пыталось о чем-то напомнить ему. О неких неотложных делах, которые требовалось выполнить немедленно, сейчас же.

Роман вздрогнул и открыл глаза.

Над ним высилась рослая фигура с тонким копьём в руке. Похоже, воин уже готовился вонзить острие своего колья в более чувствительное место, чем плечо. Сообразив это, Роман поспешно вскочил.

- Не двигайся, варвар! - предупредил сзади чей-то голос.

Разведчик резко обернулся - за его спиной стоял еще один воин, с луком и стрелой на тетиве. Несколько секунд он переводил взгляд с одного противника на другого, пытаясь сбросить дурман сна и оценить силы незнакомцев; потом мышцы Романа расслабились, он поднял руки и выдавил дружелюбную улыбку.

Без сомнения, его пленители не относились к числу дилетантов. Их головы были защищены глухими и глубокими стальными шлемами с гребнями и прорезями для глаз, открывавшими только подбородок; длинные, до пят, плащи слегка топорщились, приподнятые наплечниками доспехов; широкие металлические браслеты сверкали на запястьях. Но главное заключалось в том, как эти двое держали оружие - с непринужденным изяществом опытных бойцов и уверенностью, выработанной годами тренировок. Роман понял, что не сумеет избежать удара копьём; но если бы даже ему повезло с рослым копьеносцем, второй воин утыкал бы его стрелами за полминуты. Сопротивление было бесполезно.

- Беглый? - спросил лучник. Пленник открыл рот, но вопрос, видимо, предназначался не ему.

- Вряд ли, - голос копьеносца глухо прозвучал под забралом шлема. Роман, однако, решил, что оба воина молоды - на их подбородках не намечалось и следа растительности.

- Думаешь, с моря?

- Скорее всего.

- Но штормов не было с весны...

- Северяне-рабы иногда прыгают в воду с галер осролатов. Вероятно, считают, что мы будем кормить их даром.

Разведчик внимательно прислушивался к этому обмену мнениями. Похоже, ему не придется выдумывать легенду, рослый потрудился за него. Еще он понял, что в этом Эдеме есть рабы, которых даром не кормят. Разочарование охватило Романа; надежды на кофе с булочками растаяли без следа.

- Не похож он на северянина, - засомневался лучник. - Слишком смуглый... И волосы темные...

- Разве что из северной Райны? - Теперь рослый раскачивал копье, словно выбирал, куда его всадить - в пах, в живот или между ребер сомнительного пришельца. Роман похолодел. Возможно, этим райнитам полагалось именно такое обращение?

- Я с севера, но не из Райны, - торопливо сообщил он, не опуская рук. - Другая страна, гораздо дальше и...

Что он хотел добавить, осталось неизвестным, так как оба воина почти одновременно воскликнули:

- Говорит!

- По-нашему!

- Я могу опустить руки? - спросил Роман.

- А тебе велели их поднимать? - поинтересовался копьеносец.

- Это всего лишь знак моих мирных намерений... - начал разведчик.

- Нам твои намерения не нужны, - прервал его рослый. - Нам нужна твоя спина.

Это Роману было уже ясно; хрустальная мечта о стране, не ведавшей насилия, разлетелась вдребезги. Он, дьявол, пришел к таким же дьяволам, и ближайшее время покажет, чьи когти острее, чьи клыки смертоносней. А пока его ждали плен и рабство - как в орде монгов и в альбийских темницах.

- Пошевеливайся, - лучник мотнул головой в сторону тропы. Рослый копьеносец, опустив свой дротик, молча, возглавил шествие; его белый с золотым шитьем плащ на мгновение распахнулся, и Роман увидел длинный меч, висевший на перевязи. Какую-то секунду он размышлял: прыгнуть, сломать рослому хребет, завладеть его оружием, прикрыться телом от стрел... Нет, бессмысленно! Даже если он справится с этой парой - все равно бессмысленно! Он очутился в густонаселенной и хорошо охраняемой стране; двойное убийство сразу поставит его вне закона. Начнется охота, и с надеждой на нормальный контакт можно распрощаться... С другой стороны, сейчас ему не грозили особые неприятности, ибо действия патрульных, наткнувшихся на подозрительного голого чужестранца, были вполне разумными. Вероятно, они собирались доставить его на допрос, и ближайшая проблема сводилась лишь к одному: будет ли то допрос с пристрастием или без.

Покорно шагая вслед за рослым воином, Роман почти физически ощущал смотревший в спину наконечник стрелы. Второй патрульный шел сзади ярдах в шести; слишком большое расстояние для внезапной атаки и слишком малое, чтобы промахнуться, если пленник попытается напасть или сбежать. В этом тоже чувствовался профессионализм; видимо, эти молодые люди умели конвоировать рабов.

Правда, Роман начал сомневаться, что попал в руки пограничной охраны. Если побережье патрулировалось, то его должны были заметить еще вчера, когда он торчал на вершине утеса. Более того, скала представлялась прекрасным наблюдательным пунктом, и стражи вряд ли бы бродили внизу между камней, вместо того, чтобы обозревать берег с высоты сотни футов. Похоже, эти двое наткнулись на него случайно... Что же они делали в лавровой роще? Роман оглянулся, окинув взглядом шагавшего сзади лучника. Длинный плащ с разрезами по бокам -

для рук - скрывал его фигуру, но, похоже, меча под ним не было.

Значит, у первого - дротик и меч, у второго - лук... Полной выкладкой это не назовешь! Не похоже на патруль, решил Роман; скорее его конвоиры выглядели так, словно отправились прогуляться и, по неистребимой воинской привычке, прихватили с собой оружие. Ладно, через несколько минут он разглядит их получше: солнце начинало печь, и скоро им придется снять плащи и скинуть свои глухие шлемы.

В полном молчании три человека пересекли луг, миновали еще одну рощу на этот раз с апельсиновыми деревьями, перешли по мосту маленькую бурную речку и поднялись по косогору на невысокий холм. Вершина его была аккуратно срезана и разровнена, эту искусственную площадку окружал четырехугольник стен из белого ракушечника. В той, что была обращена к морю, виднелась арка, перекрытая решеткой бронзовых ворот; рядом стояли два воина, очень похожих на пленителей Романа. Они были в таких же шлемах с гребнями и плащах, но каждый держал в руках копье, а слева, из-под полы, высывались ножны длинных мечей. Луки и колчаны, полные стрел, лежали на овальных выпуклых щитах, прислоненных к стене, - вместе с веревкой, свернутой кольцами.

- Примете этого? - спросил рослый конвоир охранников, кивнув в сторону Романа.

- Откуда он? - один из стражей пошевелился, и на разведчика уставилась бесстрастная стальная маска забрала; другой не проявил никаких эмоций.

- Нашли в фарсате от берега. Голого и спящего.

- Интересно, что вы там делали в такое время? - страж переступил с ноги на ногу. Романа это тоже весьма интересовало, но воин у ворот, похоже, не нуждался в ответе - он словно бы заранее знал его и слегка подсмеивался.

- Гуляли... - рослый пожал плечами. - Знаешь, когда отстоишь во дворце ночь напролет...

- ... становится невтерпеж, верно? - страж положил руку на плечо своего напарника. Роману показалось, что воин произнес свои слова с улыбкой, но шлем искажал интонацию, и утверждать это наверняка он не стал бы. Смысл же всего диалога пока ускользал от разведчика, хотя было ясно, что речь идет о вещах привычных и повседневных.

- Ну, так берете или нет? - снова спросил рослый. - Не хотелось бы нам вместо приятной прогулки тащиться до следующего эстарда...

Эстард... Место, где держат рабов, понял Роман.

Страж задумчиво оглядел могучую нагую фигуру пленника; Роман видел, как в прорехи шлема сверкнули его глаза.

- Крепкий варвар, - заметил он. - Таких бы побольше...

- Говорит, что с севера, - рослый копьеносец махнул рукой в сторону гор.

- Говорит?..

- Да. Знает наш язык.

- Это хорошо. Но откуда он все-таки взялся? И что умеет?

- Спроси... - рослый пожал плечами.

- Эй! - стальная маска шлема опять повернулась к Роману. - Как ты сюда попал?

- Бросился в море с корабля, - коротко ответил разведчик, решив избрать подсказанную ему версию событий.

- Был рабом? Сидел на веслах?

Роман, молча, кивнул, надеясь, что никто не станет рассматривать его ладони - у него не было мозолей, которые натирает рукоять галерного весла.

- А сам ты, из каких краев?

- Из Альбиона... далеко, на севере...

Он выбрал это древнее название в память о своем первом путешествии в Альбу. Он еще не знал, что в будущем много раз станет представляться в иных реальностях принцем, странником или воином из Альбиона; не ведал, что имя его окажется известным в десятках миров.

- Ничего не знаю о такой стране, - страж пожал плечами. Его напарник, оглядев пленника, добавил:

- Мир велик...

- Конечно, - согласился рослый копыеносец. - И мы немного знаем о странах к северу от Айталы.

- Ладно, мы его возьмем, - охранник начал отпирать ворота, потом обернулся к Роману. - Однако, во имя Сата Прародителя, что ты умеешь делать? Лодыри нам не нужны!

Роман внимательно оглядел каждую из четырех фигур в сверкающих шлемах и длинных плащах.

- Я - воин, - наконец произнес он. - Я умею многое, но лучше всего убивать.

За спиной у него раздался мелодичный смех, и разведчик повернул голову, пристально вглядываясь в лучника, опустившего свое оружие.

- Здесь твое искусство немного стоит, варвар, - сказал стрелок. Придется тебе таскать мешки на мельницу или убирать навоз. - Положив левую руку на гребень шлема, он потянул его вверх. - Жарко... Нам пора возвращаться в Меот.

Роман замер в изумлении, и тут же, смущенный своей наготой, опустил глаза. Лучником была девушка кареглазая, с копной каштановых кудрей; ему редко доводилось видеть более прекрасное женское лицо.